

Денис Маслюженко

Рец. на: А.В. Беляков. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев сын Мусайтов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.

Denis Maslyuzhenko
(Kurgan state University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Belyakov. Uraz-Muhammed Ibn Ondan i Isinei Karamyshev syn Musaitov. Opyt sovmestnoy biografii. Almaty, 2019

DOI: 10.31857/S086956870008286-5

В своей новой книге российский историк А.В. Беляков обращается к специфике взаимодействия Казахского и Сибирского ханств с Российским государством на рубеже XVI—XVII вв. Сама по себе эта тема не нова для отечественной историографии. Ещё в 1971 г. В.Я. Басин рассматривал схожие сюжеты, придя к выводу, который в дальнейшем почти не переосмысливался: целью Москвы был поиск союзника в борьбе с сибирским ханом Кучумом, политика которого противоречила интересам Рюриковичей в Поволжье и Приуралье и мешала дальнейшему продвижению в Сибирь¹. В рамках этой концепции был выстроен концепт более чем десятилетнего противодействия казахских и сибирских Чингисидов, что не подтверждается источниками.

Уже здесь концепция Белякова значительно отличается от общепринятой. Он рассматривает поставленную проблему не через призму государственной политики, а при помощи биографических портретов людей, вольно или невольно ставших её заложниками. Фигура царевича

Ураз-Мухаммеда также не раз становилась объектом исследования. Уже несколько десятилетий историки считают его участником политического триумвирата под руководством последнего бека сибирской княжеской династии Тайбугидов Сейдяка, пытавшегося сохранить Сибирскую землю независимой как от власти Шибанидов, так и от московских государей. Как правило, со ссылкой на Сборник летописей Кадыр Али-бека указывается, что казахский царевич до этого находился в плену у Кучума и именно по этой причине в дальнейшем поддерживал Сейдяка². Басин даже предположил, что царевич мог быть пленён около 1580 г., когда центральноазиатские Шибаниды нанесли поражение казахам.

Новые архивные источники позволили автору рецензируемой монографии пересмотреть эти и некоторые другие построения. Беляков отметил, что нехватка письменных свидетельств заставила его обратиться к некоторым боковым сюжетам (с. 10) и использовать по аналогии данные источников, не имеющих отношения

к его персонажам (например, на с. 76 список личных вещей Ураз-Мухаммеда реконструируется по перечню вещей сибирского царевича Азима). Перед рассмотрением основных сюжетов книги автор подробно останавливается на изучении биографии Ураз-Мухаммеда, констатируя, что с позиций имеющихся документов он неоправданно «шаг за шагом... превратился... в крупного военного и государственного деятеля Сибирского ханства и Московского государства» (с. 15). Этим грешат и казахстанские работы³.

Первая глава книги «Из казахских степей в касимовские цари» посвящена жизненному пути Ураз-Мухаммеда, причём он рассматривается в контексте биографий иных представителей степных элит, которые разными путями оказались в Москве и приспособились к новым реалиям. Интересным является поиск следов в Московском государстве двоюродного брата Сейдяка — сына бывшего правящего сибирского бека Едигера Тайбугида. Он оказался в Москве вместе с матерью около 1563 г. и, возможно, в дальнейшем использовался в борьбе за Сибирь. Беляков предполагает, что таким мог быть известный в Коломенском уезде в 1577 г. сибирский мирза Карамыш (с. 21, примеч. 10). Если это так, то оказывается закрытым ещё одно «белое пятно» в истории элиты Сибирского ханства. Разбор данного сюжета, схожесть его имени с именем одного из героев книги требуют от читателя внимательного отношения к вопросам генеалогии, для чего в конце исследования представлены две генеалогические таблицы.

Этот вопрос важен и при изучении происхождения казахского царевича. Его отцом был Ондан б. Шигай. Данная ветвь казахских ханов поддерживала с Сибирью тесные связи. Старший брат Кучума сибирский хан

Ахмед-Гирей б. Муртаза был женат на дочери Шигая, и последнего резонно подозревали в убийстве зятя. Одна из жён самого Ондана принадлежала роду сибирских Чатов, представители которых от казахских ханов в дальнейшем перешли под власть Кучума, причём жена последнего также происходила из Чатов⁴. Жёны Кучума и Ондана были родными сёстрами, а сам царевич Ураз-Мухаммед оказался пасынком сибирского хана. Беляков предполагает, что Ондан мог быть ногайским царём. Само это указание интересно, поскольку фактически в XVI в. после смерти большинства ближайших родственников тюменского хана Ибрахима интронизация подобных правителей ногаями являлась скорее исключением из правил, а ногайских биев чаще провозглашали таковыми на съезде знати (с. 22—27)⁵.

В таком случае Ураз-Мухаммед мог находиться при дворе Кучума не в качестве пленника, а его появление в Сибири вместе с Кадыр Али-беком примерно около 1585 г., возможно, связано как с убийством его отца калмыками, так и с последующими противоречиями среди казахской правящей элиты и попыткой спрятать одного из наследников. Всё это заставляет ещё раз посмотреть на Сборник летописей Кадыр Али-бека как на политически ангажированное произведение. Несмотря на выявленное родство, Беляков делает вывод о натянутых отношениях между Кучумом и Ураз-Мухаммедом, что в дальнейшем сказалось и на взаимоотношениях пленных представителей сибирской аристократии в Москве. Обращение к вопросам генеалогии и реконструкция перечня жён сибирского хана потребовались автору для того, чтобы показать, что власть Кучума в Сибири во многом строилась на брачных союзах. Его дочери и жёны оказывались важным политическим капиталом, и это

объясняет их присутствие при дворе хана во время неудачной для него битвы 1598 г. (с. 28). В таком случае можно высказать ещё одно предположение: пленение значительной части ханской семьи привело к реальному разрыву некоторых политических союзов, оттоку сторонников и потенциально стало дополнительной причиной окончательного поражения хана, который так и не смог восстановить свою власть.

Обращение к последним годам пребывания царевича в Сибири позволяет автору книги сделать ряд важных выводов. Беляков останавливается на вопросе о том, кто мог быть сибирским карачей, известным в окружении Кучума, а потом вошедшим в упомянутый выше триумвират. Со времён работы М.А. Усманова (1972) считалось, что им являлся Кадыр Али-бек из джалаирав⁶. На этом основании делались выводы о присутствии это клана на территории Сибирского ханства⁷, хотя в иных источниках по истории сибирской государственности XV—XVI вв. джалаиры не фиксируются. Однако дальнейшее положение Кадыр Али-бека в Московском государстве не подтверждает этого предполагаемого высокого статуса. На роль сибирского карачи скорее мог претендовать испомещённый в Ярославле Мамет (Мухаммед), к сыну которого Кошею карачину Маметеву в 1607 г. перешла и часть поместья Сейдяка Сибирского (с. 31—33). Пересмотр этого сюжета объясняет, почему в сочинении Кадыр Али-бека сибирские сюжеты занимают незначительное место. Следует понимать, что управленческие структуры Сибирского ханства изучены слабо, любое открытие в этой области значимо для понимания его истории. Сам Кадыр Али-бек, скорее всего, был аталыком царевича, чья роль внезапно выросла

в результате интронизации Ураз-Мухаммеда в Касимове.

Беляков подробно реконструирует биографию царевича после его попадания в русский плен. Он обращает внимание на документ 1589 г., содержащий ложные сведения об измене царевича и сибирского князя Сейдяка, т.е. фактически единственное указание на их совместную службу в Московском государстве (с. 35). Ещё одно возможное свидетельство продолжения общения князя и царевича может содержаться в сообщении Дж. Горсея о сибирском царе Чиглик-Алоте, под которым комментаторы понимают Маметкула, но более резонно считать его Ураз-Мухаммедом (с. 78—79, примеч. 201). Следует понимать, что не все найденные автором в архивных документах случаи находят объяснение. В приложении опубликованы и сами разбираемые источники, однако было бы полезно соотнести их нумерацию с конкретными страницами текста книги.

На протяжении последних нескольких лет Беляков неоднократно обращался к вопросу о составе дворов оказавшихся в Москве представителей сибирской правящей семьи, в том числе и Ураз-Мухаммеда (с. 35—37). Это важно для понимания системы управления Сибирским ханством, в котором большую роль играли родственники хана и царевичей, аталыки и имелдеши, а также представители исламского духовенства. В силу малочисленности источников любые новые находки ценны для понимания процессов, протекавших как в Сибири, так и в Касимове.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли Ураз-Мухаммеда в становлении русско-казахских отношений в ходе переговоров 1594—1595 гг., которые, возможно, были спровоцированы угрозой союза Бухарского ханства и Большой Ногай-

ской Орды (с. 43). В это время царевич оказался для Посольского приказа главным источником информации по вопросам функционирования Казахского ханства. Беляков предполагает, что Ураз-Мухаммед, воспитанный у ногаев и рано покинувший казахские степи, вряд ли мог многое рассказать, и поэтому не случаен его отказ от возможности вернуться в степи. Более правдоподобно предположение о том, что таким информатором был сопровождавший царевича Кадыр Али-бек. Интерес со стороны Посольского приказа мог даже вдохновить его на написание «Сборника летописей» (с. 40, примеч. 76). Абсолютно верна и постановка проблемы выявления документов о контактах казахских и московских правителей в 1570—1580-х гг.

Сюжеты первой главы многочисленны и затрагивают широкий круг вопросов, например, особенности повседневной жизни и материальной культуры ханского двора. В рамках рецензии подробно их разобрать невозможно. Однако, поскольку с 1600 г. жизнь Ураз-Мухаммеда уже в статусе царя оказалась связана с Касимовым, следует отметить ещё один момент. В современной российской, особенно татарской, историографии Касимовское ханство нередко рассматривается как полноценное постордынское государство⁸. В работах же Белякова неоднократно аргументировалась мысль о том, что это ханство с момента возникновения являлось эфемерным образованием, не обладало собственной территорией и имело смешанную систему управления с большой ролью русских воевод (с. 46). По мысли автора, восстановление ханства в 1600 г. было необходимо новому царю Борису Годунову для обеспечения поддержки татар. В таком случае возникают претензии к процедуре поднятия нового хана на золотой кошме (у казахских

ханов для этого использовался белый войлок)⁹ и к реалиям института касимовских карачи-беков. Причём вопрос не в том, существовали ли сами карачи-беки, а в том, был ли стабилен состав племён, которые они представляли, и их количество (с. 63—65). Не только в Касимове, но и в сибирских государствах Шибанидов и, по всей видимости, Казахском ханстве классический набор четырёх карачи-беков не реконструируется на базе источников. Воцарение Ураз-Мухаммеда и разработанная для этого процедура могли выступать одной из форм презентации власти Бориса Годунова (с. 67).

Первая глава завершается цитатами из двух документов Смутного времени о предшествующем конфликте в период правления Бориса Годунова между Ураз-Мухаммедом с Исинеем Карамышевым. Его причины могли скрываться в несанкционированной переписке с казахскими родственниками, которая могла привести к опале касимовского царя не позднее 1602 г. (с. 90). Со временем стороны конфликта оказались на разных сторонах в охватившей Россию Смуте: первый в 1608 г. являлся приверженцем Яна Сапеги и Тушинского вора, а второй — сторонником Василия Шуйского (с. 86).

Это позволило автору ввести во вторую главу («Свойственники Кучума») ещё одного актора, гораздо менее знакомого даже специалистам: представителя знатных сибирских татар Исинея Карамышева сына Муsaitова. Случай Карамышева показателен с позиций выявления состава сибирской аристократии, оказавшейся в Москве. Брачные связи Карамышевых показывают их тесную связь с ханской семьёй. При этом автор предполагает, что начало истории семьи связано со временем появления братьев Ахмад-Гирея и Кучума в Си-

бири (с. 87—89). Если это так, то в представителях семьи следует искать тех самых выходцев из центрально-азиатских владений Шибанидов, которые поддерживали династов при их переезде в Искер и стали частью сибирской аристократии. Обращает на себя внимание и то, что земельные дачи Исинея Карамышева сравнимы только с аналогичными у Карамыша б. Ядигара, потомка сибирских князей Тайбугидов (с. 92). Беляков подчёркивает, что размер этих дач в Московском государстве свидетельствовал о социальном положении получателей.

Вторая глава более сложна для восприятия, поскольку помимо Карамышевых в ней рассматриваются и иные представители сибирской знати — Семендеревы, Байцыны и др. Они объединяются с Шибанидами разветвлёнными семейными связями. Принципиален вывод о том, что все они рано или поздно оказывались при дворе племянника Кучума Маметкула, который, возможно, был сыном его старшего брата и соправителя Ахмад-Гирея. Для сибирской знати именно этот царевич стал точкой притяжения и реальным лидером выходцев из Сибири, оказавшихся в Московском государстве. В Смутное время Шибаниды и их окружение, в отличие от Ураз-Мухаммеда, последовательно поддерживали Василия Шуйского и Второе ополчение (с. 95, 101).

Третья глава («Смута») посвящена роли Ураз-Мухаммеда и ряда сибирских аристократов в событиях начала XVII в. В предшествующих статьях Беляков проделал работу по определению позиции касимовских татар и различных Чингизидов в период Смуты¹⁰. Автор обращает внимание на то, что в целом роль татарского и мордовского населения в событиях того времени исследована не до конца (с. 98). Ураз-Мухаммед,

с одной стороны, должен рассматриваться как представитель уже русской титулованной знати, а с другой, будущи касимовским царём, — как центр притяжения мусульман. При этом в некоторых случаях он действовал не самостоятельно, находясь под давлением «своих непокорных “подданных”» (с. 98). Представляется, что этот пример можно перенести на многие другие случаи постордынской истории, когда ханы часто были вынуждены действовать под влиянием усиливающейся племенной и клановой аристократии. Противоречия с другими представителями сибирской знати или с Василием Шуйским привели Ураз-Мухаммеда на сторону Лжедмитрия I, а затем Лжедмитрия II и его воеводы Ивана Болотникова. Это предопределило дальнейшие события и судьбу касимовского царя, вокруг которого стали собираться татары, недовольные властью Шуйского (с. 99—100). Кстати, на с. 105 Беляков вводит относительно Ураз-Мухаммеда новое понятие: «Царик», которое потом неоднократно использует, не объясняя его происхождения. В конечном итоге метания Ураз-Мухаммеда привели его в сентябре 1610 г. в Калугу, где по приказу Лжедмитрия II он был убит. Через несколько дней князь Пётр Урусов убил и самозванца (с. 119). Можно согласиться с автором книги в том, что «гибель Ураз-Мухаммеда стала самым заметным событием в его жизни» (с. 117).

Четвёртая глава книги («Мнимая победа») посвящена дальнейшей судьбе Исинея Карамышева. Здесь мы сталкиваемся с одним из самых спорных моментов исследования: в начале главы автор ссылается на некую описанную им ранее сцену у двора касимовского царя, после которой второй герой повествования уехал в Москву и участвовал в её обороне от «Тушинского вора». Однако в книге эту сцену

обнаружить не удалось, хотя по задумке автора она играет значительную роль. Между 1610—1616 гг. карьера Карамышева стремительно развивалась: голова служилых татар в Новгороде, воевода в Касимове, свадьба его сестры и нового касимовского царя Арслана б. Али. Одновременно росло и его благосостояние, в том числе за счёт бывших владений Ураз-Мухаммеда. Однако в 1616 г. Исинея Карамышев внезапно, по неизвестным причинам, попал в опалу, по городам были разосланы грамоты о его поимке (с. 121—124). В конечном итоге его, видимо, сослали в Новгород, где он скончался в 1618 г. Если бы не микроисторическое исследование Белякова, об этом представителе татарской знати сегодня мало кто вспомнил бы. Но через призму биографий двух людей открываются новые сюжеты русской истории конца XVI — начала XVII в. Получившаяся картина настолько самодостаточна, что предлагаемый автором эпилог, раскрывающий судьбы родственников Ураз-Мухаммеда и Исинея Карамышева, в принципе не обязателен.

Новое исследование А.В. Белякова, несмотря на многочисленные лакуны и стремление их закрыть с помощью аналогий или авторских гипотез, раскрывает новые страницы истории русско-казахских отношений, внутреннего устройства Сибирского ханства, судеб некоторых сибирских аристократов, особенностей

повседневной жизни и политической роли татарского населения Русского государства в конце существования династии Рюриковичей и в Смутное время.

Примечания

¹ Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 79—82.

² Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV—XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 23.

³ Абуев К.А. Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. Кокшетау, 2016. С. 85—145.

⁴ Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 105.

⁵ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 186, 235.

⁶ Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 41—43.

⁷ Исхаков Д.М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции (Курган, 21—22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 53.

⁸ Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

⁹ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана, 2006. С. 67.

¹⁰ Беляков А.В. Чингисиды в Смуту // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Н. Новгород, 2010. С. 56—75; Беляков А.В. Мещерские татары в период Смуты // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Н. Новгород, 2011. С. 198—203.